

ЭДУАРД СЕМЕНОВ

ЗЛАТНИК ВЛАДИМИРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Современная проза

Эдуард Семенов

Златник Владимира

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Семенов Э.

Златник Владимира / Э. Семенов — «ЛитРес: Самиздат»,
2008 — (Современная проза)

ISBN 978-5-532-96922-3

Скромный сотрудник музея задумывает совершить величайшую аферу в мире и создает точную копию Златника Владимира, самой дорогой и редкой монеты в мире. Но создать мало. Надо еще, чтобы в эту монету поверили и признали подлинной, а затем найти покупателя. В общем, разбогатеть по легкому не получилось... Зато получилось полностью сломать и изменить свою жизнь. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-96922-3

© Семенов Э., 2008
© ЛитРес: Самиздат, 2008

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	22
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эдуард Семенов Златник Владимира

Предисловие

– Смотри куда прешь, кретин!

Владимир Леонидович Найденев вздрогнул, обернулся на крик и увидел прямо перед собой решетку темно-синего микроавтобуса, из дверей которого торчала засаленная физиономия. Если судить по часам с гигантским циферблатом, болтающимся на мясистом запястье, и перстню-печатке с изображением какого-то святого, то это был типичный мелкий предприниматель, снимающий ларек на городском рынке. Однако держал он себя так, словно был, по меньшей мере, владельцем футбольной команды. Он махал рукой и требовал, чтобы Найденев уступил ему дорогу.

Найденев удивленно посмотрел на белые полосы «зебры», на которых он стоял, но спорить о том, что по правилам уступить дорогу должен был водитель, не стал и сделал шаг назад, вернулся на тротуар.

Микроавтобус с яркой рекламой известного стирального порошка «Тогда мы идем к Вам!» на борту, проскочив по самой кромке дороги, всхлипнул от распирающей его наглости, зачерпнул из небольшой лужицы дождевой воды и плеснул ее на Найденева. Если бы скорость микроавтобуса была чуть выше, то бурые капли жижи достали бы и до лица Владимира Леонидовича, а так забрызгали лишь штанины, оставив на них несколько крупных капель и целый десяток капель поменьше. «Уже неплохо!» – успокоил себя поначалу Владимир Леонидович, стряхивая капли с брюк, а на деле размазывая грязь по ткани, и тут же понял, что таким образом успокоить себя не удастся. Лучше бы капли залили ему все лицо. С лица что? Умылся и пошел дальше, а брюки надо стирать, причем с порошком, желательно импортным.

С недавнего времени это стало для него проблемой. Жена Найденева, Алевтина Игоревна, стала играть в пока непонятную ему игру и с завидной регулярностью предъявлять счет за стирку всего того, чего он на себе носил: трусов, рубашек, брюк и носков. Этот счет, пусть пока и в виртуальной валюте, ежесекундно увеличивался и грозил превратиться в неоплатный долг, по своей величине сравнимый с государственным долгом США.

Все, на чем он оставлял пятна – а он не мог их не оставлять, так как был перманентно рассеян и «постоянно витал в облаках», по мнению Алевтины Игоревны, – обязательно становилось предметом ежевечерних разборок.

– А это пятно, где ты подцепил? – спрашивала его супруга, держа одну руку с рубашкой на весу, а другую – упирая в свое успешнее затянувшееся жирком, но все еще весьма привлекательное тело. – А это?

Палец упирался во что-то, едва видимое глазом.

– Ну как ты мог умудриться поставить пятно здесь?

Владимир Леонидович уже давно не отвечал жене по существу вопроса, так как прекрасно понимал, что ответа от него и не требовалось. Какая ей была разница, что жирное пятно на брюках он посадил, когда ел хот-дог из палатки на углу дома, где находился их музей, так как хотел сэкономить. Хот-дог из палатки был дешевле, чем обед в столовой администрации. А пятно на рукаве рубашки – от чернил авторучки, которую он оставил в нагрудном кармане, когда взялся провести неожиданно подвернувшуюся частную экскурсию, и, между прочим, заработал на ней дополнительную тысячу рублей.

На самом деле он успел вытащить ручку раньше, чем чернила окончательно потекли. Еще бы чуть-чуть – и рубашка была бы безвозвратно потеряна, но он успел выдернуть авторучку, и вот только несколько капель упало на рукав.

Владимир Леонидович знал, что любые объяснения были бы встречены его супругой в штыки и без того усугубили бы его пошатнувшееся положение в семье. Положение главы семейства, кормильца и поильца.

Выровнять это положение могло только одно – деньги. На оплату кредитов: за компьютер дочери и за стиральную машинку; – на коммунальные услуги, на одежду, на обеды – дочери или хотя бы себе.

– В холодильнике давно мышь повесилась, – вспомнил он ровный голос Алевтины, загигающей на кухне пальцы, на которых красовались два массивных золотых перстня: один – его подарок на свадьбу, а другой – купленный за собственные деньги, – я уж не говорю про отпуск на юге. Хоть на даче у родителей, а до нее тоже надо доехать. Поэтому твои дополнительные заработки в виде тысячи за экскурсию засунь знаешь куда! Лучше молчи!

И Владимир молчал, а также усилием воли вызывал в себе образ молодой и красивой девушки, на которой он женился двадцать лет назад, сразу после службы в погранвойсках и окончания второго курса института культуры. Как он тогда считал, женился по любви в буквальном смысле слова, совершив гусарский поступок и утащив ее из-под венца у однокурсника. Он был уверен, что сделал единственный верный выбор, поэтому молчал, терпел и каждый день решал задачу с одной и той же неизвестной: «Где взять денег, чтобы...?».

***

Проводив взглядом микроавтобус, вернее, посмотрев в ту сторону, куда тот укатил, он все же перешел дорогу по пешеходному переходу и подошел к своей выдавшей виды вишневой «шестерке» 1996 года выпуска. Достал ключи, открыл капот, подключил аккумулятор, залез в салон. Подышав на руки, вставил ключ в зажигание, включил двигатель и начал его прогревать. «Как минимум минут пятнадцать надо подождать, пока прогреется, а то на холодном масле движок встанет, и капитального ремонта мне уже не потянуть!»

Пошел мелкий осенний дождь, несколько желтых листьев упало на лобовое стекло.

«Скоро надо будет заливать омыватель в бачок. Опять деньги тратить? Может, ну его нафиг. На зиму поставить машину в гараж. Поставил бы... А дочку возить на гимнастику и обратно? Тренировки – почти каждый вечер. Как стемнеет, на улицах становится опасно... А у нее хорошие перспективы попасть в сборную города».

***

До дома через дворы он мог бы добраться меньше, чем за десять минут. В этом плане ему повезло с работой, но домой ехать не хотелось. Включив левый поворотник, выехал на шоссе и влился в общий поток машин. Сделал несколько кругов по городу в поисках запоздалых пассажиров. На перекрестке между улицами Дугина и Гагарина увидел поднятую руку.

– Куда?

– На Гудкова. Там забрать одного человечка, а потом на гавань «Надежда». Знаешь, где это?

Владимир Леонидович прикинул расстояние и назвал цену.

– Полтинник.

– Да не вопрос, поехали.

На переднее место, рядом с водителем, сел крепыш в кожаной куртке и кепке с меховыми ушами. В руках он держал букет роз.

– Шеф, только меня прямо к подъезду. Я покажу.

– Сделаем.

От крепыша веяло силой, здоровьем вперемешку с дорогим парфюмом и запахом хорошего коньяка. Не успев опуститься в кресло, он тут же схватился за трубку мобильного телефона и начал кому-то звонить.

– Сейчас, сейчас моя рыбка, я уже подъезжаю. Тачку поймал, еду.

Одновременно он крутил головой, как будто хотел кого-то высмотреть в потоке машин, постоянно оборачивался назад и заглядывал через плечо Владимира Леонидовича на линию встречного движения. Заметив любопытный взгляд Владимира Леонидовича, он хмыкнул и охотно пояснил:

– А как ты хотел, брат, приходится скрываться от благоверной. Она у меня, знаешь, какая. Ух...

Крепыш погрозил кому-то кулаком.

– Узнает, что я блядую, убьет.

– Так зачем же блядуюешь-то, – в тон крепышу спросил Владимир Леонидович, – любишь – разводишься – женишься.

Крепыш хохотнул.

– Плавали, знаем! Через три года будет та же картина маслом, только вид сбоку.

Он взмахнул рукой и показал дорогу между высотными домами:

– Вот сюда, под арку и по кругу, там есть выезд.

Уже въезжая в арку, он еще раз бросил взгляд через плечо. За ними никого не было.

– Порядок, – сказал он сам себе. – Хвоста не привели! Во-о-н к тому подъезду!

Владимир Леонидович подкатил прямо к бетонному парапету, включил стоп-сигналы и, подавшись настроению пассажира, громко озвучил:

– Карета подана.

Хотел добавить «сэр», но постеснялся.

У подъезда уже стояла светловолосая дама в норковой шубке, надетой на такой выдающийся бюст, что Владимир Леонидович, никогда ранее не удивлявшийся подобным подаркам природы, не удержался и приоткрыл рот от удивления. Крепыш выскочил из машины, распахнув объятия.

О чем они говорили, Владимир Леонидович уже не слышал, но обратно они вернулись вместе, причем букет роз переключался в руки обладательницы чуда природы. К запаху мужского одеколона и коньяка в салоне машины прибавился также аромат чего-то цветочно-цитрусового.

Крепыш не стал садиться на переднее сидение, а перебрался назад, поближе к своей даме сердца. Владимир Леонидович дождался, когда его первый пассажир закроет за собой дверь, и тут же нажал на педаль газа. Машина поехала по кругу и, проехав по двору, выехала сквозь другую арку на нижнюю дорогу, которая и вела к тому месту, которое на общегородском языке называлось «гавань Надежда». Излюбленное место встреч для всех влюбленных пар города. На самом же деле это был плавучий ресторан, пришвартованный у бывшей торговой пристани на Москве-реке, нижние палубы которого были переоборудованы под сауну и отдельные номера для отдыха.

Владимир Леонидович, подрабатывающий частным извозом уже не первый год, отлично знал это место, вплоть до последней колдобины на съезде с шоссе, поэтому домчался до места достаточно быстро.

– Ого, – удивился крепыш, увидев в лобовом стекле манящие огни ресторана. – Лихо ты.

Он достал из кармана толстый кожаный бумажник, переломил его пополам, явно наслаждаясь его хрустом, и протянул ему хрустящую сотню. Владимир Леонидович засуетился, пытаясь достать сдачу из заднего кармана брюк, но пассажир по-барски махнул рукой:

– Сдачи не надо.

Владимир Леонидович, всегда в таких случаях идущий на принципиальность, попытался возразить.

– Договор дороже денег.

Но пассажир остановил его.

– Брось, старик, бери.

И почему-то совершенно не к месту добавил:

– Мал золотник, но дорог! Лишние полтинники на дороге не валяются, а я сегодня гуляю.

Часть 1

Глава 1

Прокатившись еще несколько раз по пустынным улицам своего родного города, подбросив двух-трех бедолаг и поболтав немного на площади Громова с такими же, как он, водителями на общегородские темы, Владимир Леонидович посчитал, что сегодняшнюю норму по деньгодобыванию он вполне выполнил, а значит, может рассчитывать на приятный ужин в компании своей дражайшей супруги. Под словом «приятный» имелось в виду, что Алевтина снизойдет до того, что не будет грохать перед ним тарелку с вареными макаронами и жареной печенкой с таким видом, будто это бадья с черной икрой, добытой ею нелегким трудом «трубоукладчицы», а он – зажавшийся до безобразия буржуин, отбирающий последнее у сироток.

«И что с ней такое стало, – думал Владимир Леонидович, паркуя машину на пяточке между мусорным контейнером и железными конструкциями для вывешивания белья. – Никогда ведь раньше такой не была».

Когда они познакомились, Алевтина была веселая, легкая на подъем девушка, душа компании. Презирающая условности и все, что имело отношение к деньгам. Он ведь тогда только и смог выделиться из всех ее ухажеров тем, что подарил ей стихи собственного сочинения, а не банальный набор из букета цветов, духов и сережек с кристаллами Сваровски. Или ему только показалось, что она такая особенная? А на самом деле... Кстати, сережки недавно видел на ней не такие? Интересно, откуда?

Мысль о том, что у Алевтины кто-то появился, мелькнула у Владимира Леонидовича в голове и, не успев развиться, улетучилась. Войдя в полутемный и обшарпанный подъезд, он напряг все свое зрение, обоняние, интуицию и сноровку, чтобы не влететь в кошачьи экскременты, которыми, как минами-ловушками, были перекрыты все подходы на верхние этажи здания.

Между первым и вторым этажом он достал из своего – единственного сохранившегося в подъезде – почтового ящика газету «Труд» и, щурясь от тусклого света, быстро пробежался глазами по заголовкам. На последней странице в разделе интересных фактов ему бросилась в глаза статья о том, что в Прибалтике черный копатель нашел древнюю монету и продал ее в частную коллекцию за баснословную сумму в 250 тысяч евро. Заметка была маленькая, набранная петитом, и не сопровождалась никакими иллюстрациями. Единственным крупным и выделенным пятном была именно сумма денег, полученная археологом за свою находку.

Читать на ходу было неудобно, поэтому уже в квартире, привычным жестом кинув связку ключей на полочку в прихожей, а газету – на стиральную машинку в туалете, он поймал себя на мысли, что хочет обязательно прочитать эту статью более внимательно, но позже.

Интерес был скорее профессиональный. О какой монете идет речь? У них в музее, где он совмещал должность экскурсовода и заведующего научным сектором, была неплохая коллекция монет. И он точно знал, что ценных среди них не было, но все же. Вдруг. А что собственно «вдруг»? Врожденное чувство собственного достоинства никогда не позволило бы ему запустить руку в чужое, тем более – государственное, и уж тем более после того позора, который недавно обрушился на коллег из Эрмитажа. Они продали несколько ценных вещей за границу, но ничем хорошим такое предательство не закончилось. Кража была раскрыта, а виновные наказаны. Одна из них даже, как говорили, покончила жизнь самоубийством.

Нет, он никогда не пойдет на такое! Ему такие неприятности не нужны. У него и так все хорошо! Будто в подтверждение своим мыслям он покачал головой и, сунув ноги в мягкие домашние тапочки, прошел в большую комнату.

***

– Ну что, не ждали? – сказал он с усмешкой в голосе, обращаясь к жене и дочери.

Алевтина стояла возле балкона и водила утюгом по гладильной доске. Ритка, с ногами забравшись на стул, что-то читала с экрана ноутбука и одновременно печатала на клавиатуре. На Алевтине было надето вечернее платье, а в ушах светились те самые сережки Сваровски.

– Не ждали, – в тон ему ответила жена и, поставив утюг на подставку, прошла мимо него на кухню.

До носа Владимира Леонидовича донесся тонкий аромат французских духов. Владимир Леонидович поцеловал в затылок дочку, на что она ответила: «Ну пап, не мешай!», – и последовал за женой.

На кухне она уже доставала из микроволновки тарелку с дежурными макаронами и печенкой.

– Вот, ешь! Чайник сам поставишь. А я ушла.

– Куда? – удивленно поднял брови Владимир Леонидович. Ему совершенно не хотелось задавать этого дурацкого вопроса, но он соскочил с губ как-то сам собой.

– На кудыкину гору воровать помидоры! – ответила ему Алевтина и, снимая с бедер передник, пояснила: – У подруги день рождения. Я весь вечер тебя ждала. Мог бы и позвонить, что задержишься. Я ей обещала, что буду непременно. В общем, ешь, помоги Ритке с докладом, а я буду поздно. Завтра суббота, можно и погулять.

Такого поворота событий Владимир Леонидович не ожидал, поэтому снова задал дурацкий вопрос:

– У какой подруги?

– С работы, – ответила ему небрежным тоном жена. – Ты ее не знаешь.

– Так давай я тебя подвезу.

– А не надо, – махнула рукой Алевтина, – я такси вызову.

Владимир Леонидович покачал головой и, переваривая информацию, опустился на табуретку, подвинул к себе тарелку. Одновременно, по сложившейся традиции, он достал из заднего кармана брюк все заработанные деньги и протянул их своей жене.

Та, сморщив нос, проверила их на вес и не преминула заметить:

– Это разве деньги? Это слезы.

– Ну извини, я их еще не научился печатать, – отреагировал Владимир Леонидович на автомате.

– Так давно пора научиться. Ты же ученый, – парировала супруга и тут же распределила все купюры между членами семьи. Вернула сто рублей мужу – на обед, выдала двести дочери, в ее руках осталась всего лишь одна сторублевая бумажка.

– О! – воскликнула она, играя бумажкой и театрально засовывая ее за лиф. – А это мне как раз на такси.

– Так давай я тебя отвезу, – еще раз попытался предложить свои услуги Владимир Леонидович.

Но Алевтина вновь отмела это предложение:

– Дочери лучше помоги! Она уже забыла, есть у нее отец или нет!

***

«Интересно, почему это она забыла, когда я всегда рядом!» – подумал Владимир Леонидович, но вслух произнести не успел.

Алевтина стремительно налетела на него своим телом, чмокнула в щеку, еще раз обдала его духами, бросила дочери: «Пока!» – и... хлопнула входной дверью.

Вздрогнул дрезденский фарфор в серванте, дрогнули плечи у дочери.

Владимир Леонидович посмотрел на закрытую дверь и, удивленно пожав плечами, хмыкнул и поспешил подсесть к дочери.

– Что там у тебя? Давай, показывай! – спросил Владимир Леонидович, проводя ладонью по шелковым волосам.

Рита не стала отстраняться, как в первый раз, улыбнулась ему в ответ, качнулась в его сторону.

– Вот, доклад по экономике. Денежная система России. Куны, гривны, чешуйки; золотые, серебряные и медные деньги, рубли, боны. Накачала тонну информации из Википедии, теперь сижу, разбираюсь. Знаешь, пап, оказывается, после революции в некоторых городах вместо денег использовали этикетки от алкоголя. Представляешь? Типа, «Портвейн» – пять рублей, «Водка» – десять, «Пиво» – рубль. Правда, клево?

«Ну ни фиги себе темка! – подумал Владимир Леонидович, заглядывая через плечо дочери, – опять про деньги. Весь мир явно сошел с ума. Как будто больше не о чем доклады писать!».

Однако снова предпочел промолчать и лишь кивнул головой в ответ, соглашаясь.

– Наверное, действительно клево. Нет денег – пошел, насобирал пустых бутылок, отклеил от них бумажку – и в магазин. За новой партией спиртного.

– Не, пап, не иронь. Такие этикетки не работали. На них должен был стоять специальный штамп банка.

– Так ведь такой штамп можно из любой резинки вырезать, – ответил Владимир Леонидович, рассматривая картинки на экране монитора. – Такие деньги легко подделать.

– Конечно, поэтому такие этикетки имели хождение всего несколько месяцев, а потом от них отказались.

Владимир Леонидович слушал свою дочь вполуха. Она рассказывала ему про денежные реформы, про инфляцию и еще много чего такого, что в принципе девочке в ее возрасте знать не обязательно. Ее голос был уверенным и знающим. Она легко перепрыгивала с эпохи на эпоху, жонглировала фактами и цифрами, разворачивала перед ним какие-то диаграммы и была очень похожа на свою мать.

– Знаешь, – неожиданно даже для себя остановил ее Владимир Леонидович, – а давай заключим сделку.

Он тут же поймал себя на мысли о том, что «сделка» – это слово из лексикона торгашей, и поморщился. Сделка с дочерью, дожил! Однако слово уже сорвалось с его губ, поэтому назад возвращаться было поздно.

– Какую? – заинтересовалась Рита.

– Я тебе завтра из музея, из своих запасников, принесу несколько монет разных эпох, чтобы ты смогла наглядно продемонстрировать на уроке свой доклад. Мне кажется, это будет выглядеть гораздо эффектнее, чем просто картинки.

Девочка задумалась.

– А это можно?

– Конечно, – улыбнулся Владимир Леонидович, – оформим их как выездную выставку.

– Ух ты, здорово, – загорелись глаза у дочери.

Она взвизгнула и обняла Владимира Леонидовича за шею и прижала к себе.

– Какой ты классный, папка, и зря мама говорит, что от тебя нет толку.

Поняв, что сказала лишнее, она осеклась, прикусив губу. Но тут же быстро затараторила, желая загладить свою оплошность:

– В таком случае, пятерка мне точно обеспечена. Девчонки просто умрут от зависти, да и... (тут она явно хотела вставить чье-то имя, поэтому снова осеклась и снова затараторила) ребятам наверняка будет интересно.

– Конечно, конечно, – закивал головой Владимир Леонидович и, не желая заострять внимание на лишних словах дочери, подыграл ей: – А почему ты не спрашиваешь, что я хочу взамен?

– Что? – сделав хитрыми глаза, Рита посмотрела на него. – Только имей в виду, что стишки на табуретке я читать не буду, и где собираюсь встречать Новый год, тоже рассказывать не собираюсь.

– Ой ты, господи, – засмеялся Владимир Леонидович, – какие мы скрытные. Нет, такие жертвы мне не нужны.

Владимир Леонидович встал и подошел к книжному шкафу, где среди длинного ряда различных книг и альбомов сильно выделялась своим видом деревянная шахматная доска. Она была засунута между учебником по боевому самбо и энциклопедией русской моды. Владимир Леонидович потянул за краешек доски и аккуратно достал ее с полки.

– Сыграем? – он потряс доской, проверяя, есть ли в ней еще фигуры.

– Ой, папка, – Рита всплеснула руками и, прикрывая ладошкой рот, засмеялась. – Какая же это сделка?

– А что не так?

– Я с удовольствием сыграла бы с тобой и просто так.

– Считай тогда, что у тебя сверхвыгодная сделка.

Не желая больше тратить время на разговоры, он сдвинул на край стола дочкин ноутбук и ее тетрадки и, раскрыв доску, начал расставлять на ней фигуры.

– Как играть, не забыла?

– Нет. Помню, – дочь передвинулась к нему поближе. – Паап?

– Что?

– Уже ведь десять часов, – Рита посмотрела на циферблат настенных часов, – мы не успеем доиграть.

– Так ведь завтра же суббота!

– Ну и что. У меня утренняя тренировка.

– Бедный ребенок, – Владимир Леонидович покачал головой. – Ничего, давай начнем, а там посмотрим.

Рита склонилась над фигурами.

– Тогда, чур, я белыми.

– Да пожалуйста.

***

Рита начала зевать уже на двадцать пятом ходу, и решено было отложить игру до следующего раза. Она, забрав компьютер, ушла спать в свою комнату, а Владимир Леонидович, разложив семейный диван и приготовив постель, отправился читать на кухню. На столе осталась стоять не доигранная партия в шахматы.

Снова дверь хлопнула уже далеко за полночь.

– Ты чего не спишь, Найденов? – шепотом, снимая полусапожки на высоком каблуке, спросила Алевтина.

– Тебя жду, – так же шепотом ответил Владимир Леонидович.

– А-ааа, – протянула Алевтина и скрылась за дверью туалета. – Ложись спать, я уже дома.

Владимир Леонидович встал, закрыл свою книгу, поставил недопитый стакан с чаем в мойку и прошел по коридорчику в прихожую. В их «хрущевке» туалет и ванная были совместными, и попасть в них можно было только через прихожую. Подергал дверь ванной комнаты. Она была закрыта изнутри.

Тогда Владимир Леонидович приложил губы к дверному проёму и прямо в щель прогундосил:

– Аль, а давай еще одного ребеночка заведем.

За дверью шумела вода, поэтому в ответ он услышал:

– Что? Что ты сказал? Подожди, я ничего не слышу.

Вода перестала журчать, и Владимир Леонидович снова услышал голос своей жены:

– Что ты сказал?

– Открой, – он дернул дверь на себя.

Щелкнул замок, и в приоткрывшемся проеме Владимир Леонидович увидел аппетитный белый зад своей супруги, он был мокрым и соблазнительным. Алевтина стояла к нему спиной, чуть наклонившись над ванной, и вытирала голову полотенцем.

– Заходи, не стой так. Холодно. Чего хотел?

Владимир Леонидович проскользнул в щель и, заигрывая с супругой, крепко взял ее за бедра.

– Стой так, я все улажу.

– Я тебе сейчас улажу.

Алевтина замахнулась полотенцем и развернулась к нему лицом. Всколыхнулись и застыли ее большие, похожие на крупные дыньки, груди. Владимир Леонидович на секунду ослабил хватку и, чуть отстранившись в сторону, залюбовался.

– Ух ты. И это все мое!

– Твое, твое, пусти.

Алевтина уперлась ладонью ему в грудь и отодвинула от себя.

– Подожди до постели. Старые мы уже игрища в ванной устраивать.

Но Владимир Леонидович решил не уступать и продолжил свою атаку, прижимая к себе упругое и аппетитное тело жены.

– Чего это старые? И вовсе мы не старые. И я могу это даже доказать.

Алевтина решила ему подыграть и опустила свою руку между его ног.

– Ух, ты и вправду можешь.

– А то.

– Все равно. До постели.

Она резко одернула руки мужа вниз и, повернувшись к нему спиной, взяла с полочки перед зеркалом какой-то флакон с кремом, стала откручивать его шапочку.

– Аль, а давай еще одного ребеночка заведем? А? – повторил свой вопрос Найденов.

– Что? – вздрогнула Алевтина, выдавив себе на руки крема больше, чем положено. – Чего это тебе такие мысли в голову полезли?

– Нормальные мысли, – парировал ей Владимир Леонидович, скрещивая руки на груди, – зрелого и состоявшегося мужчины.

Алевтина удостоила его поворотом головы.

– У состоявшегося мужчины, желающего иметь второго ребенка, должен быть отдельный дом, большая машина и солидный счет в банке, чтобы не думать о хлебе насущном.

– Что за бред, – возмутился Владимир, – когда Ритку рожали, у тебя таких мыслей не было.

– Да, не было, – согласилась Алевтина, – потому что была дура и молодая, а сейчас и о себе подумать надо.

Она резко повернулась к нему и стала выталкивать из ванной:

– Ну, все, все, иди в постель. Не видишь, ты мне мешаешь. Я так себя до утра не успею в порядок привести.

Владимир уперся:

– Ничего страшного. Завтра суббота. И на работу по идее идти надо только мне.

Но и Алевтина не отступала, замахала на него руками:

– Вот и иди, отдыхай.

Владимир наигранно тяжело вздохнул, повернулся к жене спиной и вышел.

– Приходи, я жду, моя Пенелопа.

– Жди, жди.

***

Алевтина задержалась в ванной комнате дольше, чем обычно. Тихонько на цыпочках она прошла в комнату и, приподняв одеяло, нырнула в постель со своей стороны. Скрипнула, прогибаясь под телом Алевтины, кровать. Она несколько раз повернулась, принимая позу поудобнее, и неожиданно вздрогнула, когда услышала голос мужа.

– Сколько?

– Ох ты, господи, – ответила она ему, – чего сколько?

– Сколько денег тебе надо, чтобы ты согласилась на второго?

Алевтина открыла глаза в темноте и посмотрела на фигуру мужа. Он лежал на самом краю постели, с другой стороны. В створе окна был виден лишь силуэт его плеча.

– Что за бредовые мысли, Найденов. Нисколько. Все. Мы уже свое отыграли.

– Миллион? – спросил он жену.

– Нет.

– Пять миллионов?

– Нет, Найденов. Уймись.

– Десять?

Алевтина поняла, что муж не успокоится, и решила прибегнуть к крайней мере. Она преодолела демаркационную линию кровати и прижалась к его телу.

– Хорошо, – сказала она, зевая ему в затылок. – За десять миллионов я соглашусь родить тебе кого угодно. Только отстань, я спать хочу.

– Ловлю на слове! – Владимир попытался повернуться к ней лицом, чтобы исполнить то, что на бытовом языке называется «супружеский долг», но Алевтина крепко держала его и не дала ему этого сделать.

– Все, утром. Спать...

Она хотела еще что-то сказать, но не успела. Владимир понял, что она заснула, по тому, как она сначала зашарила рукой в поисках удобного положения для своей ладони, нашла его у него на груди, запутавшись в волосах, и, вдруг замерев, ровно засопела ему в плечо, прищипывая губами.

Ему ничего не оставалось делать, как застыть вполоборота и через прикрытые веки смотреть на тусклый свет окна, в которое сквозь занавески неожиданно заглянула серебряная луна, похожая на затертую от долгого употребления монету.

Или это была не луна, а уличный фонарь? Ну откуда взяться луне, если на улице идет дождь и его капли выбивают монотонную дробь о подоконник?

Через секунду Владимира Леонидовича сморил беспокойный сон.

***

Это был очень странный и нервный сон. Какая-то женщина, просящая у него милостыню. Красивая, между прочим! Он, правда, не успел ее разглядеть, но почему-то явственно почувствовал, что она красавица. Плачущий ребенок в большой машине. Катер. Огонь. Кузнечный звон, складывающийся в слова: «Мал золотник, да дорог, ребенок – за десять миллионов, хочешь ребенка – научись печатать деньги!». Оживающие иконы. «Спас Нерукотворный», грозящий ему посохом. Слитки золота. Деньги, разбросанные по квартире. Кровь.

Много крови. И она повсюду! На камнях в прибалтийских шхерах, как капли росы. Сразу после глухого выстрела. От звука этого выстрела Владимир проснулся.

За окном было еще темно, но уже явно обозначился рассвет. Алевтина давно вернулась на свою половину. Свернулась калачиком и сопела в две дырочки. Он обернулся, посмотрел на нее через плечо и погладил по крутому бедру. Она даже не почувствовала его прикосновения. Спит крепко. Значит, можно встать. Владимир откинул одеяло и почти бесшумно поднялся.

Заглянул в комнату дочери. Она лежала, обнявшись с плюшевым мишкой, из-под одеяла торчала ее тонкая лодыжка, а в ушах были вставлены наушники от плеера.

Владимир аккуратно прикрыл дверь и ушел в туалет. Там, на самой верхней полке, за коробками со стиральным порошком и пачками туалетной бумаги, у него была припрятана пачка папирос и зажигалка.

Спустив трусы до колен, Владимир уселся на унитаз и уперся лбом в стиральную машину. Закурил. Включилась вентиляция, утягивающая дым в дымоход.

Давно Владимиру не снился этот сон. Он уже подумал, что все прошло. Что он уже окончательно забыл, изгнал из памяти тот случай. Ан нет, чуть что, так он тут как тут. Напоминает.

Ему тогда – почти двадцать лет назад – пришлось убить человека. «Пришлось» – это было правильное слово. Его группа, поднятая по тревоге с заставы, преследовала трех сбежавших из колонии преступников. Бандиты, вооруженные автоматами Калашникова, убили охрану и были готовы на все, чтобы сбежать за границу по тонкому льду финского залива. Но пограничники перекрыли им дорогу и зажали на берегу в камнях. Бандиты начали отстреливаться. Когда рядом с Владимиром ткнулся лицом в песок его напарник, друг и товарищ Колька Смирнов, а песок из белого тут же стал бурым, он раздумывал недолго.

Встал на одно колено, передернул затвор, прицелился, как учили на стрельбище, под срез мишени и короткой очередью вогнал три патрона в голову одному из гадов. Двое других тут же подняли руки и сдались. Начальник заставы крикнул: «Найденов, не стрелять! Они сдаются», – и он, играя желваками, подчинился приказу.

Владимир хорошо помнил, как дрожали у него руки и как хотелось всадить пули в остальных. Это было какое-то пугающее чувство, с которым он тогда справился. Все-таки приказы их научили выполнять, но вот ощущения остались. Сладостное ощущение победы над себе подобными в равной схватке.

За то, что он стрелял без разрешения, медали ему не дали, даже хотели наказать, но потом наградили отпуском. Все-таки нарушитель был задержан! Во время отпуска он и познакомился с Алей. Насочинял ей стихов. Ну как же, герой! Когда отпуск закончился, он вернулся дослуживать, а она – к своему жениху. Служба закончилась, он приехал в город аккурат к их свадьбе, и снова его потянуло на подвиг... Как ему тогда казалось, во имя любви.

Сигарета закончилась, он ее бросил в унитаз между ног. Она зашипела и погасла. Владимир поднял голову, и его взгляд уперся в газету.

Теперь ему ничто не мешало дочитать статью до конца. Монета, о которой говорилось в статье, называлась «Златник Владимира». Найденов тут же вспомнил, как она выглядит. Среди фотографий на Риткином ноутбуке она была. В статье говорилось, что это очень редкая монета, в мире существует всего десять ее экземпляров, и все они находятся в коллекциях крупных музеев. Найденная монета была одиннадцатой. Она была найдена неизвестным поисковиком в Эстонии, на старом хуторе, в глиняном кувшине среди других монет. Златник был продан в частные руки, минуя аукционы. За 250 тысяч евро. Сколько же это в рублях? Да какая разница! Явно больше пяти миллионов.

Почему-то это его несколько не удивило. Ни сумма, ни детали описанного в газете случая.

– Ну вот, теперь все понятно, – произнес он вслух со скрипом в голосе. – Сон в руку!

Дальше все просто. У него сразу перед глазами сложились все картинки, как при игре в пазлы. «Златник, десять миллионов, ребенок. Ерунда, так не бывает! Алька просто так это сказала, чтобы я отстал. Но это с одной стороны, а с другой... Если один человек смог найти и продать монету за такие деньги, значит, чисто теоретически можно предположить, что и второй сможет это сделать. Осталось дело за малым: найти еще одну такую монету, что в принципе нереально, или...».

Владимир Леонидович почесал свой подбородок, успевший за ночь зарости, а потом поскреб ногтями грудь. Он никак не мог признаться себе в том, что снова ощутил внутри тот самый зуд, который толкнул его тогда двадцать лет назад встать на одно колено и выстрелить, а потом – украсть невесту из-под венца.

Тот самый зуд или даже скорее импульс, позыв, как будто бабочки щекочут где-то под солнечным сплетением, которого он так боялся и всячески подавлял в себе все эти годы. Ведь идея, которая пришла ему в это утро в голову, была столь же авантюрна, абсурдна, рискованна, как и все предыдущие поступки. И самое главное, ничем хорошим не заканчивалась. «Разве браком хорошее дело назовут! Нет, конечно, Алька мне дорога, и я ее, пожалуй, даже все еще люблю, но... тогда я был пылким «выюношей», а сейчас мне уже больше сорока. Вон уже и волосы седые в голове. Нужно ли мне такое?».

Владимир потянулся за новой сигаретой и еще раз пробежался глазами по газетному листу, как будто попытался прочитать что-то между строк. То, о чем он сейчас думал.

«Если нельзя монету найти, то ее можно, можно... – Владимир чиркнул зажигалкой. – Сделать самому. Попросту говоря, подделать. Правда, возникает еще множество вопросов. Как ее легализовать? Как найти покупателя? Как? Сядь да покаж. Ты же музейный работник, тебе ли не знать, как это делается».

Хмыкнул. Конечно, он все это знал. Не раз и не два прокручивал в голове такие варианты, но всякий раз доказывал себе, что это бессмысленно и бесполезно, что он никогда не пойдет на это. Усилием воли он отогнал эту крамольную мысль от себя и переключился на другую, более законную.

«В конце концов, что я теряю, если попробую? Нет, не легализовать, а просто сделать ее! Тем более что у меня почти все есть для этого. Слава богу, у отца на даче каких только инструментов нет! И ее ведь не обязательно продавать».

Наконец, для успокоения души соврал себе:

«Да, конечно. Ее ведь не обязательно продавать. Ее можно сделать просто так! Для себя. Как хобби. Есть же у людей хобби! Кто-то марки собирает, кто-то кораблики клеит, а я буду делать копии монет. А что? Просто так, чтобы доказать себе, что могу. Потом еще какую-нибудь скопирую и так далее... Со временем получится коллекция копий редких монет. Можно будет ездить с ней по миру. Показывать. Вполне легально!».

Мечты унесли его далеко-далеко от того места, где он находился. Вскоре он перестал себя уговаривать, и все его мысли сосредоточились на проработке плана по реализации своей в высшей степени бредовой идеи.

***

– Пап, открой, – услышал он Риткин голос за дверью. – Опять ты в туалете засел газету читать! Другого времени найти не можешь? Открой, я опаздываю.

Голос дочери вернул Владимира на землю. Возвращение было весьма болезненным.

«Неужели так быстро ночь закончилась? – мелькнуло у него в голове. – Сколько же я здесь просидел?».

С этой мыслью он резко поднялся с насиженного места, и тут же кровь ударила ему в голову. Перед глазами побежали белые звездочки, а занемевшие от долгого сидения в неудобной позе ноги отказались ему подчиняться. Чтобы не упасть, Владимир был вынужден схватиться за стиральную машину и, стиснув зубы, застонал. Так было больно! Но, к счастью, занемевшие ноги быстро отпустило, осталось только легкое покалывание где-то в области лодыжек, и Владимир смог ответить дочери:

– Сейчас, сейчас, секунду, – сказал он, разминая колени. – Уже выхожу.

Он нащупал за спиной спуск воды, машинально дернул его и, надев трусы, открыл запор двери.

Ритка, ни секунды не медля, дернула дверь на себя и сделала шаг назад, выпуская отца из туалета. Ее глаза были закрыты. Она спала на ходу. Из розовой пижамы с плюшевыми мишками выглядывала маленькая, но уже вполне сформировавшаяся грудь.

– Ну давай быстрее, пап. Тренировка...

Она была юна, тонка и по-утреннему свежа.

«Уже невеста!» – Владимир не мог не залюбоваться ею.

В маленькой прихожей они еле разминулись, и Владимир с наслаждением ткнулся носом в ее макушку, вдохнул запах волос, которые волнами стекали с ее плеч. Та недовольно мотнула головой, пробурчала что-то вроде: «Ну пап, хватит! Сделай мне лучше что-нибудь поесть!», – и тут же закрыла перед его носом дверь, оставив Владимира в крошечной темноте прихожей.

Субботние тренировки дочери начинались в семь часов, поэтому ей приходилось подниматься на час раньше. В это время за окнами была еще настоящая ночь.

Чтобы не разбудить жену, Владимиру пришлось на ощупь, не зажигая света в коридоре, пробираться на кухню и ставить на плиту чайник. Свет от газовой конфорки немного разогнал предрассветную тьму и помог ему ориентироваться.

Он знал, что, пока дочь будет плескаться в ванной, ему надо успеть приготовить для нее легкий завтрак: кофе, тосты с маслом и любимым яблочным джемом. Джем – это единственная еда, которую она могла себе позволить в режиме спортивного питания.

Банки с этим продуктом стояли на подоконнике. Владимир отвернул одну занавеску и взялся рукой за крышку одной из банок, краем глаза выглянув в окно, чтобы посмотреть на свою машину. Из окна кухни как раз был виден двор дома и площадка для сбора мусора. Возле баков возилось несколько тощих собак. Утренний туман покрыл стекло легкой испариной, поэтому он не сразу разглядел, что возле его машины стоит большой черный джип. Он бы, наверное, даже не обратил на него внимания, если бы не увидел, что в машине кто-то сидит и курит. Красный огонек от сигареты был виден как нельзя четко. Лица человека с такого расстояния разглядеть было, конечно, невозможно, но Владимиру показалось странным, что в такое время и вдруг кто-то не спит.

Именно в тот момент, когда он с напряжением вглядывался в предрассветную тьму, за его спиной появилась Рита и включила свет. Владимир ощутил себя неудобно, как будто на витрине. Он вдруг ясно понял, что из машины отчетливо виден его контур.

Создалось такое впечатление, что в машине этого никак не ожидали, и водитель испугался его силуэта в окне. Дрогнула рука, и практически сразу из салона джипа выпал окуроч. Владимир отметил про себя, что он двигался по дугообразной траектории и, прочертив длинный огненный путь, упал в лужу под колесами его шестерки. Мужчина в машине прижался спиной к сиденью и потянулся к ключу зажигания. Мотор заурчал. Черный джип дал задний ход, и, не разворачиваясь, чуть не переехав одну из дворян, медленно выкатился через узкую арку между двумя магазинами в сторону улицы Фрунзе.

Владимир перевел взгляд чуть правее – там между соседними домами был узкий просвет, через который можно было увидеть улицу. Если бы джип выехал на нее и направился в сторону светофора (там было одностороннее движение, и он мог поехать только в ту сторону), то через секунду он бы появился в этом просвете, но его там не было. Получалось, что джип отъехал от их дома и остановился чуть в стороне, на площадке перед магазином.

– Кого ты там высматриваешь? – спросила Рита, усаживаясь с ногами на табуретку и беря в руки кружку с кофе. Не дожидаясь ответа на первый вопрос, она тут же продолжила: – Пап, я опаздываю, сделай мне бутерброд.

– Да, да, – ответил ей Владимир, – сейчас, я быстро.

Он поставил на стол банку с джемом и с хлопком открыл крышку. Потом повернулся к кухонному столу, включил тостер, достал хлеб из хлебницы и начал резать.

– Знаешь, – сказал он ей, стуча лезвием ножа по хлебной доске. – Давай я тебя подвезу до спортшколы.

Рита встала с табуретки, подошла к окну и, поправляя занавеску, выглянула в окно, словно высматривая там кого-то.

– Не, пап, не надо. Дождя вроде нет. Сама доберусь.

Она вернулась назад и залезла маленькой ложкой в банку. Достала из нее целую горку джема и с наслаждением облизала.

Владимир поставил перед ней тарелку с нарезанным хлебом и начал наливать себе чай.

– Все равно. На улице еще темно?

– Не, пап, не получится, – Рита решительно замотала головой. – Ты пока ее прогревать будешь, пока то, пока се...полдня пройдет. Я сама доберусь.

Рита замолчала, будто собираясь что-то сказать, снова посмотрела на окно, а потом, загадочно прищурив глаза, договорила:

– Не волнуйся. Все будет хорошо. Дай лучше мне на обед денег. А?

– Тебе же мама вчера давала.

– Ну, это на завтрак, а мы с подружками еще хотели после тренировки в кафе посидеть.

– Хорошо, дам, – кивнул головой Владимир. – Кафе – это дело святое.

***

Уже после того, как Рита вышла из квартиры, Владимир понял, что замерз и нестерпимо хочет спать. Глаза налились свинцом и стали сами собой слипаться.

«Надо срочно прилечь, – подумал он, выключая за собой свет в прихожей и прислушиваясь к удаляющимся дробным каблучкам дочери в подъезде, – хотя бы на полчаса прикорнуть, пока окончательно не рассветло, а то умру...».

Он на ощупь прокрался к постели. Алевтина спала на другом конце разложенного дивана и была похожа на спящую медведицу, большую и мягкую. Как можно тише, стараясь не скрипеть пружинами, Владимир примостился рядом с ней, прижался спиной к ее теплой попе. Тут же согрелся.

Причмокнув от удовольствия губами, он улыбнулся чему-то непонятному и пробормотал что-то себе под нос, думая одновременно о своей дочери и о своей новой идее.

– Надо не забыть про монетку! Обязательно... Да... Вдруг получится.

В последнее мгновение, перед тем как погрузиться в сон, он скорее почувствовал, чем увидел или услышал, как за окном мелькнул свет подъезжающей машины, потом вроде послышался хлопок закрывающейся двери и шелест автомобиля, разворачивавшегося во дворе.

Глава 2

Второе утро для Владимира наступило одновременно с пробуждением Алевтины.

Обычно в субботу она любила поваляться в постели подольше. Понежиться, потянуться, порадовать свое тело сексом. На что, собственно говоря, Владимир очень даже рассчитывал, предполагая тем самым растопить некоторый лед в их супружеских отношениях, который наметился с вечера. Да и сам он с утра был бы не против прижаться покрепче к своей жене. Удовлетворить, так сказать, зов плоти.

Но не тут-то было.

Алевтина вдруг резко поднялась с постели и, не глядя в сторону мужа, прошла в ванную комнату. По дороге она включила радио и телевизор, при этом увеличила громкость настолько, чтобы звук был слышен в ванной комнате даже при закрытых дверях и с включенной водой.

Новостной ряд первого канала и музыкальные приветы радио «Шансон» были не лучшим фоном для приятной утренней дремы, поэтому Владимир очень быстро стряхнул с себя объятия Морфея.

«И никакого кофе не надо!», – подумал Владимир, все еще не отрывая голову от подушки и не открывая глаз.

Одновременно он прокрутил в голове варианты: чем его благоверная могла быть недовольна? А то, что вся эта «цыганочка с выходом» была признаком того, что она пребывает в плохом расположении духа, видно даже с закрытыми глазами. Вернее слышно.

Алевтина тем временем вышла из ванной и прошла на кухню, стала греметь там посудой.

В итоге, прокрутив в голове весь вчерашний день, а также прошедшие вечер и ночь, а заодно, отмотав ленту семейных событий еще на несколько недель назад, ну просто так, на всякий случай, он пришел к выводу, что не имеет никакого отношения к ее плохому настроению. Весь охваченный мыслью период времени его поведение иначе как идеальным не назовешь.

«Впрочем, может, именно это ей и не нравится? – Владимир улыбнулся. – Если так, то это мы легко исправим!».

Он, наконец, открыл глаза и сел на кровати, скрестив руки на груди.

– С добрым утром, любимая, – проворковал он как можно мягче. Несмотря на то, что одновременно работающие телевизор и радио перекричать было достаточно сложно, он не сомневался, что его услышали. Однако с кухни ответа не последовало.

Владимир прочистил горло и крикнул как можно ласковей в проем двери:

– Любимая, что случилось? Ты чем-то недовольна?

Он намеренно не вставил в фразу слово «опять», не желая тем самым ставить себя в положение виноватого. В конце концов, он ведь действительно ни в чем не чувствовал себя виноватым.

Но это ему не помогло. Полученный с кухни ответ быстренько расставил все точки над «i» и конкретизировал проблему.

– А чем я могу быть довольна?

Волна неконтролируемого женского негодования прошла над головой Владимира, коснувшись поредевших волос, заставила его пригнуться и вжать голову в плечи. Вопрос был риторический и ответа не требовал, но Владимир допустил тактическую ошибку и все же ответил:

– По моему мнению, у тебя нет причин для недовольства, любимая! У нас все хорошо!

Где-то на заднем плане громыхнул гром, сверкнула молния, и запахло озоном. Затем Владимир услышал все, что думает Алевтина о мужчинах, которые не могут обеспечить нормального существования своей семье, живут на чужой шее и даже не в состоянии утром встать и приготовить для нее кофе.

Последние фразы про кофе совершенно не имели под собой никакой логической основы, поэтому конкретный мозг Владимира не выдержал и возмутился:

– Ну подожди, как я мог принести тебе кофе, если ты подорвалась с кровати раньше меня. Иди, ляг и будет тебе кофе с булочкой с маком.

Про булочку с маком – это он зря сказал, потому что...

– Какая булочка с маком?!

В проеме кухонной двери появилась величественная фигура Алевтины.

– У нас в доме заваливающейся корки черствого хлеба нет по твоей милости.

Владимир вспомнил, что, действительно, сделал бутерброды для Маргариты из последнего куска белого хлеба, но он точно помнил, что оставалась еще горбушка – она была достаточно свежей. Так что и этот наезд был не по делу. Однозначно, конфликт имел под собой непонятную для Владимира основу и принимал затяжной оборот, поэтому он решил попытаться перевести все в шутку:

– Что ты имеешь в виду? Нашу дочь? Насколько я помню, это ты в свое время сказала: «Я хочу ребенка». Так что она появилась скорее по твоей милости, чем по моей...

– Не строй из себя клоуна, Найденов! – только и смогла выдавить из себя Алевтина и демонстративно повернулась к нему спиной. По ее гордо вскинутой голове и тому, что на кухне снова загремела посуда, Владимир понял, что шутка его не удалась.

Однако своего пика скандал вроде бы уже миновал и теперь пойдет на убыль или уйдет в другую, молчаливую, стадию. По опыту Владимир знал, что, если сейчас не добьется от нее причины взрыва эмоций, Алевтина будет дуться на него без всякого повода еще недели три, если не месяц. Просто из принципа, что он не понял ее тонкой женской натуры. Поэтому он встал, сунул ноги в пушистые тапки, валявшиеся возле кровати и, шаркая ими, подошел сзади к своей жене, обнял ее за плечи.

– Что случилось, дорогая? Можешь сказать?

– Я тебя ненавижу, Найденов.

Алевтина скинула с плеча его ладонь и оттолкнула от себя.

– Пусти. Мешаешь.

На плите в турке закипало кофе, и аромат его стремительно разносился по их маломерной квартире. Владимир вышел с кухни, выключил телевизор и радио и вернулся обратно.

– А если серьезно, можешь объяснить, что происходит? – спросил он, садясь на табурет и сглатывая слюну.

Он видел, как Алевтина стоит у плиты спиной к нему и не хочет поворачиваться лицом. Ее плечи напряглись, а голова опустилась – так, как будто на нее давил потолок. Владимир понял, что она ему ничего не скажет или, как обычно, только чтобы отговориться.

– Я давно заметил, что мое присутствие тебя раздражает, – продолжил Владимир, обняв свое колено. – Но вот никак не могу взять в толк, из-за чего?

– А ты сам не догадываешься?

– Нет.

– Ну и хорошо, – вдруг совершенно невпопад вставила Алевтина и тут же продолжила: – кофе будешь?

– Буду. Спасибо.

Алевтина полезла на полку за его чашкой, потом в сахарницу за сахаром. Сколько ему нужно сахара, она не спрашивала, потому что знала, что ему всегда нужно класть три ложки. В воздухе повисло неуютное молчание, которое разрядилось сразу после того, как она поставила перед Владимиром его чашку.

– Знаешь, – бросила как бы невзначай Алевтина, – вчера на дне рождения у подруги было столько народу. Все такие солидные. Из госструктур и банков.

Владимир взял в руки чашку и замер, ожидая, чем же закончится фраза супруги.

– И что? – протянул он.

– Да нет, ничего.

Она тут же, как ни в чем ни бывало, перескочила на другую тему и превратилась в легкую порхающую бабочку – ту Алевтину, которая всегда ему нравилась.

– Дашь мне машину? Мне надо съездить на рынок.

Владимир удивленно поднял брови:

– Бери, конечно, но ты же не любишь сама ездить.

– Не люблю, естественно, – улыбнулась Алевтина, – но вот решила попробовать. Надо же когда-то начинать.

Владимиру ничего не оставалось делать, как согласиться.

– Надо, – выдохнул он из себя и потянулся губами к подставленной мягкой щеке жены.

***

Позже, вышагивая по улицам города и перескакивая через лужи, он не мог избавиться от мысли, что в их утреннем разговоре с женой было много недосказанного. И хотя он, в конце концов, получил то, чего столько времени добивался, удовольствия от этого было мало. Вернее, в душе остался осадок, что это был не секс двух любящих друг друга людей и, как раньше, обмен энергией, лаской, теплом, а какой-то никчемный торговый акт по принципу: «Ты мне, я – тебе».

И самое обидное было то, что он чувствовал, что машина была тут ни при чем. Ведь он дал бы ей эту машину и просто так. Без разговоров. Сам не раз и не два предлагал ей.

Но если машина тут была ни при чем, тогда что? Неужели у нее появился лю... Владимир старательно отогнал мысль, которая так и вертелась у него где-то на подкорке. Нет, этого не может быть, и все.

Не может, потому что... Что?

Глава 3

В субботу Владимир Найденов мог приходить на работу, когда ему было угодно. Мог вообще не приходить, так как официально у него в этот день был выходной, о чем уже давно никто не помнил. Ни директор музея, ни зрители, ни главный хранитель.

Это было нечто само собой разумеющееся, что Владимир Леонидович, как заместитель директора по научной работе, непременно заглянет на огонек. Кого-то пожурит, кого-то похвалит, попьет чайку в подсобном помещении с охранником, перекинется парой слов с уборщицей Аллой, поболтает с посетителями, расскажет им несколько баек из музейной жизни, посмеется вместе с ними и удалится к себе в закуток, где стоит стол, стул и слабенький компьютер, подключенный к сети, чтобы что-то делать или заниматься «черт знает чем». Именно так именовалась его работа на языке старых музейных работников и всех, кто его окружал.

На самом деле Владимир Леонидович не «что-то делал», а писал статьи, научные материалы, готовил сценарии телепередач на местном телевидении, вел переписку с редакциями газет, журналов, поддерживал интерес к музейной теме вообще и к их музею в частности на различных профильных и не профильных Интернет-порталах, форумах, чатах.

Говоря по-другому, он «шумел» или создавал информационные поводы везде, где только можно и нельзя. И эти поводы, как круги по воде, расходились в разные стороны, капля за каплей падали на головы людей, пробивали их уставший от забот и прочих бытовых дел мозг, чтобы потом вернуться в музей потоком дополнительных посетителей.

О важности его работы догадывались, пожалуй, только директор и главный хранитель музея. Только они одни и понимали, что именно благодаря тому, что он часами просиживает штаны перед монитором и портит себе зрение, об их музее еще кто-то помнит.

Все остальные были уверены, что туристы тратят свои деньги на входные билеты в музей и сувениры в музейном киоске, а также время на то, чтобы пройтись по гулким залам со старинным манекенами, посмотреть на боевые награды давно прошедших войн, сфотографироваться на фоне потрескавшихся портретов полководцев или пожелтевших фотографий из их личных альбомов, только потому, что их музей – настоящая достопримечательность, жемчужина, шедевр, часть нашей истории и бла-бла-бла.

Ничего подобного, «жемчужность» и уникальность музея надо было доказывать ежедневно, ежечасно, ежесекундно. Надо было напоминать об этом современному обществу, помещанному на бабле и масс-медиа непрерывно, и именно в этом заключалась основная работа Владимира Леонидовича Найденова. И занимался он своим делом достаточно успешно, если учитывать то, что в последнее время возле дверей их краеведческого музея даже стали останавливаться автобусы с иностранными туристами.

Но все равно это было не статусно, не престижно и оплачивалось соответственно. Работай он в каком-нибудь банке, торговой кампании или госструктуре, его должность именовалась бы: «заместитель директора по связям с общественностью», – или как-нибудь по-иностранному, например, «специалист по паблик рилейшенз», и получал бы Владимир Леонидович даже не в разы, а на порядки больше.

И ведь звали его не раз. Были заманчивые предложения и от политиков, и от администрации города, но вот беда – ни в банке, ни в фирме и уж тем более на государство Владимиру работать не хотелось, и именно это и было основным камнем преткновения в спорах между ним и его женой Алевтиной.

«Как же так? Почему? Все только и мечтают устроиться на тепленькое место и жить себе припеваючи, – восклицала супруга, упирая руки в боки, – и только тебе просто так не живется. За деньги работать не хочешь? Тебе подавай идею! Да кому она нужна-то, эта идея? Максимально хренов. А жена ходит в лохмотьях!».

Каждый раз, поднимаясь по парадной лестнице бывшего «особняка» местных помещиков (переданного, благодаря его стараниям, музею лет шесть назад), Владимир Найденов ловил себя на мысли, что ведет бесполезный спор со своей супругой, а заодно и с теми, кто считает, что он занимается «черт знает чем», а, может быть, и сам с собой. Каждый раз он убедительно доказывал, что на самом деле идея нужна всем, вот только не все хотят брать на себя ответственность за ее воплощение, поэтому и выбирают в качестве проходного варианта деньги, деньги и еще раз деньги.

Каждый раз он доказывал всем и себе, что если таким способом рассуждать, то лучшим способом добывания денег оказываются – торговля оружием, наркотиками, проституция и религия.

«Так давай, откинув ложный стыд, займемся сразу этими прибыльными делами, – отвечал он, прищутив глаз, виртуальной Алевтине, – почему обязательно начинать с банка, торговли или государства? Продадим парочку пулеметов в Африку. И заживем припеваючи!».

«Да, ты продай! Тогда и поговорим», – тут же вставляла в его монолог свои ехидные «пять копеек» потусторонняя супруга.

«Пулеметов нет, могу кадиллом махать или стать сутенером!» – тут же мысленно отвечал Владимир и улыбался, видя ее возмущение по этому поводу.

«Ах ты сволочь! Родную жену на панель выгнать хочешь!»

«Вот видишь! Значит, не имеет смысла менять шило на мыло и искать себе место там, где считается престижно. Заметь, всего лишь «считается». В музее тоже можно реализовать свои желания, мысли и амбиции. Что же касается лохмотьев, то этот аргумент я вообще не приемлю, ты одеваешься вполне прилично!».

«На свои! Заметь!», – поднимала вверх указательный палец воображаемая Алевтина.

И тут Владимиру Найденову возразить было нечего. Ему оставалось только опускать вниз глаза.

Его зарплаты хватало только на самое необходимое.

Нет, он, конечно, знал, что на это можно сказать, что они муж и жена, что бюджет у них общий, и она имеет возможность покупать себе дорогие шмотки, потому что основные платежи, в том числе и кредиты, покрываются как раз из его зарплаты, и вообще, главное же не деньги, а любовь, но язык никогда не поворачивался произнести это вслух. Да что там вслух, внутри себя он не хотел признаваться в этом, ему не давало этого сделать его мужское начало, и именно поэтому в итоге он всегда оказывался битым. Формально он оставался в статусе неудачника и простофили, которого терпят.

Этот внутренний спор прерывался сразу, как только он входил в музей. Тут же начинались текущие дела и заботы, в музее его слушали, ему доверяли и подчинялись беспрекословно, и поэтому его ущемленное в споре мужское начало на время успокаивалось, и заготовленные аргументы откладывались до следующего раза.

Сегодня же ему пришлось идти пешком на работу, поэтому у него было несколько дополнительных минут, чтобы он успел убедительно доказать своим оппонентам, что они глубоко ошибаются по поводу его статуса.

Это было впервые в его жизни! И это осенило его как вспышкой! Конечно! Никакой он не простофиля и уж тем более не неудачник! Просто он ждал своего часа и вот, вполне возможно, дождался.

«Вполне возможно, а почему бы и нет... Что мне мешает скопировать этот самый златник? И не только скопировать, но и... легализовать его. Ха, да это будет круче, чем написать «Илиаду» или «Слово о полку Игореве» (как и все профессиональные историки, Владимир Леонидович втайне считал, что эти два талантливых произведения были фальшивками, которые под нажимом власти признали подлинниками). Н-да... Гораздо круче!».

***

В свой закуток, маленькую коморку, заставленную снизу доверху книгами по искусству и истории, он прошел не, как всегда, хмурый и погруженный в свои мысли, а с гордо поднятой головой и с полным намерением доказать свой особый статус не только себе, но и окружающим. Причем сделать это немедленно.

Не присаживаясь на скрипучий стул, он тут же включил компьютер и начал ходить по комнате, прислушиваясь к звукам, который издавал его «Пентиум».

Компьютер грузился долго, поскрипывая на поворотах, переваривая мегатонны нулей и единичек, проталкивая их через тонкие провода, прокручивая через мясорубку процессора, превращая в слова, картинки, звуки.

И Владимир Леонидович почувствовал, что начинает раздражаться от его медлительности. Он начал разговаривать с компьютером.

– Ну давай, давай быстрее, родной, грузись! Вот! Так!

Его разговор с «искусственным интеллектом» был прерван Ираидой Абрамовной, главным смотрителем.

– Можно войти, Владимир Леонидович?

Владимир отвлекся от монитора, который уже зажегся голубым светом, посмотрел на голову Ираиды Абрамовны, вспыхнувшую огненно-рыжими волосами в проеме двери.

– Да, что у вас?

– Там, – Ираида Абрамовна кивнула головой в направлении залов, – какой-то бардак.

– В смысле?

– Посетители устроили митинг, требуют руководство.

– А вы что?

– А я не знаю, что им сказать.

Владимир открыл рот, чтобы ответить на это как-то резко, но, увидев умоляющие волосы глаза Абрамовны, не нашел нужных слов. Лишь махнул с досадой рукой и сказал:

– Я сейчас.

Он дождался, когда на экране появится значок «Подключение к Интернету», открыл браузер и забил в поисковике словосочетание: «Златник Владимира».

Компьютер начал медленно шевелить своими кремниевыми извилинами, вытягивая из недр Всемирной паутины все то, что имело какое-то отношение к словам «золото» и «Владимир», а он сам, не дожидаясь окончания этого процесса, поспешил в демонстрационный зал вслед за главной смотрительницей.

***

В зале царила непривычная суета. Несколько мужчин и женщин толпились перед портретом тайного советника, графа Нехлюдова – бывшего владельца усадьбы, в которой сейчас и находился музей, – и внимали словам мужчины средних лет, одетого в помятый пиджак и джинсы. У него в руках была кепка, и он размахивал ею, как Ленин на броневишке.

Владимир Леонидович подошел к группе посетителей сзади, прислушиваясь к их разговору.

– Это черт знает что! Ну почему, в какой музей ни придешь, везде одно и то же? И такие деньги за вход дерут, – ораторствовал мужчина, явно никого, не замечая вокруг себя.

Эхо его слов гуляло по залу, и Владимир Леонидович обратил внимание на то, что в соседней комнате собралось несколько мамаш с детьми, но они боялись пройти дальше по маршруту, потому что им не хотелось пересекаться с этим товарищем.

– А в каких музеях вы еще бывали? – попытался прервать оратора Владимир Леонидович, подав голос из-за голов благодарных слушательниц, пытаясь увести разговор в сторону, но почти сразу почувствовал резкий запах перегара, который явно исходил изо рта мужчины. Стойкое амбре стояло над всей группой «недовольных».

– Такое впечатление, – продолжил мужчина, не обращая внимания на слова Владимира Леонидовича, – что в музее нет ни одного подлинника. Почему везде одни копии? Почему я не имею права здесь фотографировать, почему мне никто ничего не рассказывает, и я должен читать какие-то непонятные надписи?

Он ткнул пальцем в Нехлюдова.

– Почему здесь висит картина этого мужика? Твою мать, какое отношение он имеет к нашему городу? Ведь мы рабочий город, у нас заводы.

Это было уже слишком. Мужчине явно просто хотелось поорать.

– Непосредственное, – попытался вставить в монолог мужчины еще одну фразу Владимир Леонидович. Он постарался произнести ее как можно спокойнее: – это граф Нехлюдов, жил здесь 300 лет назад и как раз стоял у истоков образования нашего города. Вот, посмотрите...

Он взял господина под локоть, пытаясь отвести его в сторону, к витрине, за которой хранился документ с гербовой печатью о том, какие средства привлек Нехлюдов на строительство первого металлургического завода в этих местах.

Новоявленный «вождь пролетариата» наконец обратил внимание на Владимира Леонидовича. Он перевел на него свои ословелые глазки и какое-то время шлепал губами, будто стараясь прожевать что-то во рту.

– Вот – вот, поклоняемся графьям, а потом удивляемся, куда Россия катится. А на какие шиши он этот завод построил? – снова начал заводиться товарищ, вырывая свой локоть из пальцев Владимира Леонидовича. – На чьем горбу? Твою мать!

– Почему здесь нет ни одной фотографии рабочих, которые это строили? – оратор при этом ударил кулаком себя в грудь. – Окопались, дармоеды!

«Ну, тут все ясно!» – подумал Владимир Леонидович.

Говорить полупьяному посетителю о концепции музея, о традициях русского купечества и меценатства и о том, что о быте и нравах местных крестьян и рабочих рассказывается в другом зале, явно уже не было смысла.

Он начал искать глазами охранника, чтобы тот помог ему вывести из зала не в меру разошедшегося посетителя, параллельно размышляя о том, кого и как наказать за то, что в залы был допущен нетрезвый человек. Но именно в этот момент за плечами мужчины раздался тонкий женский голосок:

– Как вам не стыдно? Что вы себе позволяете? Почему всех обзываете? Почему шумите? Вы же не на базаре! Здесь же дети!

«Этого еще не хватало, – пронеслось в голове у Владимира Леонидовича, – в бой пошли мамы! Да что же сегодня за день такой?!».

Все, кто стоял перед портретом Нехлюдова, разом обернулись на этот голос, причем буян сделал это особенно неловко. Всем корпусом. Пошатнулся, и траектория движения тела заставила его опереться ладонью на стекло горизонтальной витрины. Стекло не выдержало давления и с хрустом лопнуло.

Раздался звон падающего стекла и трезвон сработавшей сигнализации.

Глава 4

Юлия Михайловна сразу и не сообразила, что произошло.

Николаша, ее пятилетний сын, прижался к ноге и, пытаясь заткнуть уши кулачками, заплакал. Громко заплакал. Она подхватила его на руки и собралась выбежать из этого помещения, чтобы избавить себя и своего сына от неприятного звука, но мимо пробежал милиционер в бронежилете и с автоматом под мышкой.

Юлия Михайловна проводила его взглядом и увидела, как он склонился над мужчиной, который сидел на полу и крепко держался левой рукой за свою правую руку.

Сквозь пальцы сочилась черная кровь, тонкой струйкой стекала на пол, собираясь там в большую липкую лужу. Мужчина подвывал, пытаясь что-то сказать, судорожно сучил ногами и размазывал эту лужу вокруг себя.

Юлия работала медсестрой хирургического отделения и сразу определила профессиональным взглядом, что перебита артерия и, если раненому сейчас же не оказать помощь, кровь за несколько минут вытечет из него наружу, как из освежеванного барана.

Колебалась она недолго. Собственно, и выбора-то у нее особого не было. Толпа, которая еще несколько минут назад с интересом наблюдала за происходящим, вдруг неожиданно расстроилась в длинных коридорах музея.

В зале осталась только она, какой-то мужчина – видимо, сотрудник музея, – крикливый посетитель и милиционер. Сотрудник музея и милиционер сустились возле раненого, пытаясь его успокоить, но их усилий пока хватало только на то, чтобы удержать мужчину на месте.

Юлия Михайловна поставила Николашу на пол и строго сказала ему:

– Будь мужчиной, сынок. Я сейчас.

Затем она решительно шагнула в сторону милиционера и схватилась за приклад автомата, потянула его на себя. Милиционер дернулся, испугавшись за свое табельное оружие, резко выпрямился и посмотрел на Юлию Михайловну.

– Гражданочка, вы что делаете? – почему-то шепотом сказал он, пятясь назад. – Это же автомат.

– Знаю, – так же шепотом ответила ему Юлия Михайловна, поднимая руки вверх и, кивая головой, на стремительно бледнеющего мужчину. – Я медик. Мне нужен ремень, чтобы перетянуть рану, иначе он умрет.

Милиционер оказался сообразительным. Он кивнул головой и выговорил:

– Понял. Сейчас.

Тут же скинув автомат с плеча, он принялся неуклюже отстегивать ремень, прыгая на одной ноге. Юлия Михайловна же присела возле раненого рядом с сотрудником музея. Их головы оказались на одном уровне. Она успела заметить необычной глубины голубые глаза мужчины и тут же вlepила пощечину раненому, который все еще пытался что-то невнятно сказать и вырывался из рук того, кто пытался ему помочь.

– Успокойся, – крикнула она ему в лицо. – Мне надо наложить тебе жгут. Иначе кровь не остановить. Сдохнешь тут, как собака.

Мужчина замер, открыв рот. Возможно, переваривая услышанное. Воспользовавшись этим, она положила ему пальцы на шею, пощупала пульс. Мужчина вдруг захрипел и начал валиться на бок, закатывая глаза.

– О боже, я умираю, – прошепел он вдруг изменившимся голосом.

Юлия Михайловна ловко вырвала из рук милиционера ремень, крикнула музейщику:

– Держите его за подмышки!

И несколько раз обернула жгутом выше располосованной кисти руки, перетянула артерию. Кровь остановилась.

– Мама, что с дядей? Я боюсь, пойдем домой! – услышала она за спиной голос сына, но не обернулась, продолжая заниматься раной.

Она только и смогла сказать:

– Сейчас, сейчас пойдем, родной мой, вот только дяде поможем.

Она еще раз взглянула в глаза сотруднику музея и прочитала в них благодарность и восхищение. Это показалось ей приятным, но на всякий случай она поморщилась и как можно грубее произнесла:

– Аптечку! Скорую! Быстро!

И тут же мысленно поймала себя на мысли, что совершенно ни к месту любитесь интеллигентным лицом мужчины.

***

Наверное, она могла бы еще подумать о чем-то таком, о женском, но кто-то сзади сунул ей в руки аптечку, и Юлии Михайловне пришлось снова заниматься тем, чем она занималась уже добрых десять лет с тех самых пор, как окончила медицинское училище.

Раскрыла аптечку, наметанным глазом выхватила из наваленных в кучу медикаментов баночку нашатырного спирта. Смочила им белый шарик хлопка и сунула под нос раненому. Вернула аптечку и снова встретилась глазами с сотрудником музея.

На этот раз она уже не морщилась, а изобразила на лице равнодушие.

– Мне нужны листок бумаги и авторучка! – сказала она, глядя в глаза мужчине.

Мужчина раскрыл рот от удивления, переспросил:

– Ручка, бумага? Зачем?

– Чтобы записать время, когда я наложила жгут, – ответила она, глядя на циферблат своих часов, запоминая время.

– Понял!

Мужчина кивнул головой и сказал тому, кто принес аптечку:

– Ираида Абрамовна, будьте добры! Принесите, что просит врач!

Она услышала шаги и поняла, что та, кто принес ей аптечку, быстро убежала за листком бумаги и авторучкой. Ей было неудобно поворачивать голову, поэтому она продолжила смотреть на мужчину. Ее сын плакал и тянул за руку, мешая ей. Тогда мужчина как можно мягче сказал ему:

– Малыш, хочешь тульский пряник?

Николаша, которому она постоянно твердила, чтобы он не смел заговаривать с посторонними мужчинами, вдруг совершенно легко переключился и, всхлипывая носом, ответил:

– Хочу.

Мужчина посмотрел на милиционера.

– Игорь, будь добр. Отведи ребенка ко мне в комнату и угости его чаем. Скажи Абрамовне, я распорядился, а потом пусть наши дамы займут его там чем-нибудь.

– Чем? – удивился милиционер.

– Ну, пусть покажут что-нибудь интересное, – сказал он раздраженно. – Например, разбери и собери автомат. Хоть какой-то толк будет!

Юлия Михайловна открыла было рот, чтобы остановить своего сына, но так ничего и не смогла сказать, потому что Николаша как замороженный взял за руку милиционера и пошел с ним куда-то. Она посмотрела на мужчину, хотела отчитать его за непедагогичное поведение, но он опередил ее вопрос:

– Не волнуйтесь, все будет хорошо. Ему сейчас лучше уйти. Зачем на кровь смотреть? А там опытные педагоги, они присмотрят за ребенком.

И тут же с юмором представился:

– На всякий случай, меня зовут Владимир Леонидович, я заместитель директора этого, с позволения сказать, культурного заведения.

Юлия Михайловна отчего-то покраснела и ответила:

– Очень приятно, Юля, но я не врач.

– Неважно, – Владимир Леонидович тряхнул плечами. Он продолжать держать раненого. – Главное, вы знаете, что надо делать. А то я, честно говоря, немного растерялся.

Они успели перекинуться еще несколькими ничего не значащими фразами до тех пор, как им принесли бумагу. Затем приехала «скорая» и увезла раненого. Пришел участковый и попросил дать показания. Владимир Леонидович все это время был с ней рядом. Она чувствовала его запах, перехватывала его взгляды, слушала его голос и не могла понять, что с ней происходит.

Он ей явно все больше и больше нравился, и она даже почувствовала себя немного обиженной, когда он совершенно спокойно сказал:

– Ну вот, вроде бы и все! Теперь вы можете забрать своего малыша и идти домой. Извините, что так надолго задержали вас.

Однако сразу им расстаться не пришлось. Он провел ее в подсобное помещение музея, где она обнаружила своего сына, сидящего за столом перед компьютером. Перед ним стояла чашка уже остывшего чая и надкусанный тульский пряник. Мальчик что-то увлеченно рассматривал на экране.

Юлия Михайловна попыталась сосредоточить все свое внимание на сыне, проявляя излишнюю озабоченность:

– Как ты здесь, не скучал?

Она склонилась к нему, целуя в лоб.

– Нет, – радостно ответил ей Николаша. – Не скучал, тетя Ира рассказывала мне сказки, а дядя Игорь дал подержать автомат.

– Хорошо, давай тогда одеваться. Нам пора.

Куртка и теплые штаны Николаши висели на спинке стула, а сам он был в одной рубашке и колготках. Она стала его одевать, а Владимир Леонидович, как мог, помогал ей.

– Еще раз большое спасибо вам за помощь, – в который уже раз повторил он ей слова признательности.

Юлия Михайловна кивала головой, и слушала его мягкий голос, очень отчетливо понимая, что слышит его, скорее всего, в последний раз. И от этого почему-то ей становилось грустно.

– Да что вы, это мой долг. Я не могла иначе.

Она все ждала, что он сейчас ей предложит куда-нибудь сходить или, на худой конец, пригласит еще раз в свой музей, но Владимир Леонидович говорил, говорил, однако почему-то не о том. И снова ей помог случай.

Ее Николаша, уже одетый и слегка взмокший, неожиданно спросил:

– Мама, а что такое златник?

– Златник? – она удивленно посмотрела на сына. – А где ты услышал это слово?

Потом перевела взгляд на Владимира Леонидовича и как можно естественнее захлопала своими длинными ресницами. Он, перехватив ее взгляд, вдруг неожиданно вздрогнул и как-то поспешно ответил:

– Это такая монета старинная. Очень красивая, – он посмотрел на мальчика. – Откуда ты про нее узнал?

Николаша засмеялся и махнул рукой в сторону монитора.

– А вот там прочитал.

Владимир Леонидович улыбнулся чему-то своему и понимающе кивнул головой.

– Ах, вот оно что. Ну тогда понятно.

Он погладил ребенка по голове, приговаривая:

– Какой умный мальчик. Уже читать умеешь.

– По слогам и не то, что надо, – ответила в тон ему Юлия Михайловна, внутренне гордясь своим сыном.

Она не могла удержаться, чтобы не посмотреть на экран монитора, и прочитала вслух первые строки статьи из свободной энциклопедии:

«Златник (также – золотник) – первая древнерусская золотая монета, чеканившаяся в Киеве в конце X – начале XI веков вскоре после Крещения Руси князем Владимиром. Настоящее название этих монет неизвестно, термин «златник» используется в нумизматике традиционно и известен по тексту русско-византийского договора 912 года Вещего Олега. Всего найдено 11 таких монет...».

– Как интересно, – продолжила она, не отрываясь от монитора и уже не понимая, что там дальше написано. – Вы увлекаетесь монетами? Николаю, наверное, это было бы тоже интересно. Или ему еще рано, как вы считаете?

И в этот момент Владимир Леонидович, явно размышляя о чем-то своем, наконец сказал ей то, чего она от него ждала:

– Не знаю. Но если хотите, я приглашу вас еще раз в наш музей и покажу ему нашу нумизматическую коллекцию. Так сказать, в качестве компенсации за испорченный выходной. Как вы на это смотрите? – он взял со стола лист бумаги, оторвал от него край и написал карандашом два ряда цифр. – Вот мой рабочий телефон, а это домашний. Звоните, как будете готовы.

– Отлично, – просветлела Юлия Михайловна, добившись своего, и, взяв за руку сына, направилась к выходу.

Владимир Леонидович не стал ее провожать. Он только помахал Николаше рукой и сказал ей вслед с улыбкой:

– До встречи!

***

Очнулась Юлия Михайловна только на улице.

Убирая в сумочку клочок бумаги, который еще хранил тепло его рук, и одновременно доставая ключи от своего красного «Пежо», номер Х454 РА – подарок бывшего мужа, – она тут же попыталась сама себе ответить на вопрос: «Что это со мной было?». Почему она, обычно не обделенная вниманием мужчин, недавно удачно разведенная, а потому вполне обеспеченная и еще утром имевшая совершенно иные планы на жизнь женщина, вдруг повела себя как девица на выданье? Да еще с кем? Когда?

Несмотря на странную и довольно нервную ситуацию, она четко запомнила, что Владимир Леонидович ни дорогими часами, ни костюмом, ни приличной обувью не выделялся. В общем, в нем не было ничего такого, чем обычно привлекали мужчины ее круга. «И тем не менее, – она в этом себе призналась, – мне было приятно смотреть ему в глаза и напрашиваться на свидание. Ну просто как студентка-первокурсница».

– О, боже ты мой, – произнесла она вслух, помогая Николаше сесть на заднее сидение. – Расскажешь кому, не поверят!

И она тут же решительно тряхнула своими ухоженными черными, как вороново крыло, волосами и попыталась убедить себя, что к данному случаю надо отнестись как к очередной своей мимолетной блажи.

«Так, что у меня по плану? Сначала надо будет отвезти сына к матери...».

Та жила на центральном проспекте в доме бывших номенклатурных работников вместе со своими любимыми пятью попугаями. Она одна занимала шикарную трехкомнатную квартиру, доставшуюся ей от последнего мужа. И попугаи жили в одной из комнат совершенно свободно, как в большой клетке. Это безумно нравилось ее сыну Николаю, поэтому он всегда с огромной радостью отправлялся в гости к бабушке Тае и готов был жить у нее сколько угодно.

Вот и сейчас, пристегивая себя к своему креслу, он тут же начал приставать к матери и канючить:

– Мам, ну поехали скорее к бабе Тае. Я соскучился по Кеше, Гоше, Фонарику, Барину и Матильде.

Мальчик, старательно загибая пальцы, назвал имена всех своих любимцев.

– Едем, видишь? – отвечала она, захлопывая дверь и садясь на место водителя. – Уже едем! Уф.

Она с шумом выдохнула, собираясь с мыслями.

«Так, вставить ключ зажигания. Ногу на газ. Проверить зеркало заднего вида. Какие у меня были еще планы? Сегодняшним походом в музей собиралась показать своей матери, что я тоже образцовая мать, а развод...».

Юлия Михайловна достала из бардачка помаду и подкрасила себе губы. «Мама почему-то переживает из-за него гораздо больше, чем я, хотя сама пережила два. Н-да. Ну и видок!».

Она залюбовалась собой в зеркале.

«А развод... Это просто закономерный итог ошибки молодости, о котором и вспоминать не стоит. Тем более что сейчас другие порядки. В современном мире каждая нормальная женщина должна сходить замуж, родить ребенка и быстренько развестись, чтобы жить свободно. Вот именно! Походом же в музей я собиралась задобрить мать перед тем, как сообщить ей о том, что хочу оставить у нее Николая не только на выходные, но и еще на неделю. Что позволит мне поехать отдохнуть в Таиланд с Виктором. С целью «устроить свою личную жизнь» и отметить свой день рождения».

Билеты уже куплены, отель оплачен. Подруги на девичник по поводу отъезда приглашены. Главврач внеурочный отпуск подписал. Правда, за свой счет и при условии, что я по возвращении соглашусь с ним поужинать. Вот урод! Форменный козел. Поужинать? Держи карман шире. О боже, и зачем я ему только ляпнула, что не против? А как бы я еще получила отпуск? Что делать, если он узнает? А, подумаю об этом позже...».

Уже выруливая с автостоянки перед музеем, она вдруг отчетливо поняла, что ехать в Таиланд с Витей ей совершенно не хочется. Нет, не так. В Таиланд хочется, но почему-то не с Витей. В животе, где-то пониже пупка, заныло так, как будто ей резко захотелось в туалет по-маленькому. Он сжала коленки, стараясь подавить это чувство, и почему-то живо представила рядом с собой мужчину из музея, и ей это понравилось. Но она тут же отогнала это мимолетное видение. «Нет, так не бывает. Это полный бред!».

– Мааам, а мы скоро приедем?

– Скоро.

Юлия Михайловна и не заметила, как оказалась на улице, на которой стоял дом матери.

«Нет, и еще раз нет! Это не вариант! Надо быть стервой! В конце концов, музейщик никуда не денется. И вообще неизвестно, какой он в постели. Женат ли? Черт, о чем я думаю! Я с ним совершенно не знакома, а вот Витя уже давно проверен на все сто процентов, надежен, как банковский сейф, и даже, насколько мне известно по агентурным данным, купил то кольцо с сапфиром, которое мне понравилось, чтобы поздравить меня с днем рождения на берегу океана. Пустячок, конечно, но приятно! Знает, что мне это понравится. Но музейщик, чем он меня так зацепил? Он ведь даже и не пытался со мной заигрывать, был холоден и подчеркнуто официален. Или мне это только показалось? О, боже ж ты мой, поворот проскочила!».

– Мам, а мам, а мы к бабушке едем?

– Да, сынок, к ней.

– А почему тогда мы мимо ее дома проехали?

– Сейчас развернемся на перекрестке и, с другой стороны, заедем.

– Думать надо, что делаешь! – назидательным тоном сказал ее малыш, повторяя интонацию своего деда, – иначе дело может кончиться плохо!

– Вот это ты в точку попал, сын!

Юлия Михайловна улыбнулась ему своей очаровательной улыбкой.

«А про музейщика можно будет рассказать подругам. Хотя бы для того, чтобы посмеяться, как об очередной своей блажи и зигзаге судьбы. Сколько у нее таких было! Мммм... И не сосчитать!».

В том, что она им о нем расскажет, Юлия ни капельки не сомневалась. Ведь подруги как раз для того и существуют!

– Мам, поворот! Мы сейчас снова его проедем.

Юлия Михайловна нервно включила левый поворотник и на полном ходу влетела во двор старинного дома, чуть не сбив перебежавшую дорогу кошку.

– Слава Богу, приехали!

***

Маме, конечно, она ничего про происшествие в музее рассказывать не собиралась. И сын, как ни странно, не проговорился об этом. Он быстро дал себя раздеть и убежал в комнату к попугаям.

А Юлия Михайловна достала из шкафчика для обуви свои любимые мягкие домашние тапочки, сунула в них ноги и пошла на кухню, где ее мать, Вера Митрофановна, в безукоризненном макияже, с накрашенными ногтями и в ярком переднике, надетом поверх делового костюма, уже ставила чайник, чтобы накормить своего ненаглядного внука разными вкусностями.

Кормить плюшками дочь она считала дурным тоном и баловством, поэтому для нее даже чашки на стол не поставила. Юлия Михайловна сама полезла на полку за чашкой с золотой каемочкой. Вот такие были между ними высокие отношения, которые, впрочем, устраивали обеих и позволяли им мирно сосуществовать уже долгие 32 года. Юлия поставила чашку на стол, и сама уселась рядом на угловой диванчик, уставилась в окно.

Кухня в квартире Веры Митрофановны была размером с маленькую однокомнатную малогабаритную квартиру. При этом потолки были высокие и гасили все звуки. В том числе и плоского телевизора, который висел на противоположной от стола стене. Именно поэтому он всегда орал на полную катушку, и любой разговор на кухне начинался с громких звуков – а как еще можно было перекричать телевизор – и непременно ими же и заканчивался.

Поэтому на кухне можно было только сидеть и наблюдать. За тем, что делает мать, или за тем, что происходит на улице. Однако Юле хотелось поговорить, и поэтому она решилась на достаточно резкий шаг: взяла с холодильника пульт и убавила звук.

В наступившей тишине она услышала, что ее мать мурлычет себе под нос что-то из итальянской оперы. Юлия в очередной раз подивилась этой ее способности и тут же выпалила:

– Мам, а у тебя была когда-нибудь любовь с первого взгляда?

Она точно помнила, что собиралась сказать матери что-то другое, нейтральное, но губы сами собой выдавили из нее первую фразу.

Вера Митрофановна тут же замолчала, склонив голову набок, и, подражая голосу героини фильма «Любовь и голуби», переспросила:

– Кака така любофф?

Юля поморщилась.

– Ма, ну я серьезно. У тебя было два мужа. И с кем-нибудь из них у тебя было так? Может, с отцом?

Вера Митрофановна хмыкнула.

– С твоим отцом у нас была только ты. Встретились, полюбились и разбежались. А с первого взгляда или со второго, я сейчас не помню. А к чему ты этот разговор завела? Влюбилась что ли на старости лет?

Юлия Михайловна почувствовала, что у нее от этого вопроса покраснели мочки ушей. Она незаметно подняла руку и потрогала их, потом приложила ладони к щекам. Они пылали, как от печки.

– Уф, ну и душно тут у тебя. Я окно приоткрою. Ладно?

И не дожидаясь ответа, она повернула ручку пластикового окна. В комнату ворвался шум улицы, запах осени и прохладный ветерок.

– Вот так лучше.

Выждав паузу, она махнула рукой:

– Да ну, какая любовь. Так просто спросила, и все. Я тебя вот о чем хотела попросить. Возьми Кольку к себе на недельку. Пусть у тебя поживет.

Мать удивленно подняла брови.

– А ты?

– А я съезжу отдохнуть в Таиланд.

– Одна?

– Нет, конечно. С Виктором.

– И когда ты туда собралась?

– Завтра вечером самолет.

Мать хмыкнула.

– Нормальненько. Как всегда, просто ставишь меня перед фактом. Да? А если я откажусь?

– Ма, ну так получилось, – заканючила Юлия и тут же начала выдумывать подходящую версию. – До последнего момента ничего не было понятно. Вот полчаса назад буквально позвонили из турагентства, подтвердили.

Честно говоря, она не ожидала, что мать будет отказываться. Она ведь всегда была недовольна тем, что дочь забирала от нее внука. Думала, наоборот, это будет преподнесено как подарок.

Вера Митрофановна не стала ее выслушивать, а вдруг резко вышла из кухни и быстро вернулась, держа в руке какие-то бумаги.

– На, почитай.

– Что это? – спросила Юлия Михайловна, хотя тут же поняла, что мать протягивает ей билеты на самолет.

Она взяла их и прочитала: «Рейс: «Шереметьево (Москва) – Зальцбург (Австрия)». Дата вылета – завтра утром.

– А я вот хотела попросить тебя пожить у меня недельку, за попугаями моими присмотреть. В кои-то веки Натка пригласила к себе в гости. Нате вам, съездила!

Вера Митрофановна всплеснула руками и села на краешек пуфика. Недовольно посмотрела на свою дочь:

– И что теперь будем делать?

– Не знаю.

– И я не знаю. Думай. Мне надо лететь.

***

В мозгу Юлии Михайловны взорвался целый фейерверк эмоций от: «Да чтобы тебя!», – до: «Почему мне так в жизни не везет-то!». Но, расцветив небо яркими всполохами, они как-то быстро улеглись, и мозг ее начал работать в режиме решения проблемы. «Какие могут быть варианты? Отдать Николая на неделю родителям мужа? Перенести свой отдых на неделю, дожидаться возвращения матери? Уговорить мать перенести отъезд на неделю?».

И она решила действовать по методу от самого простого к сложному.

– Мам, а чего это Натка тебя так резко вызвала? Что, перенести нельзя на недельку?

Вера Митрофановна вздохнула.

– Я уже думала на этот счет, но боюсь, что не получится. Понимаешь, Натка все же уговорила своего миллионера жениться на ней.

– Да ты что? Неужели!

Несмотря на критичность своей ситуации, Юлия не могла не порадоваться выстраданному женскому счастью тети Наташи, маминой подруги. Ее ухажер, австрийский коллекционер антиквариата, был очень старым и очень богатым. Роман подруги длился более четверти века и однозначно должен был кончиться, по общему мнению, тех, кто о нем знал, ничем. И вдруг звезды решили по-другому. Бывают же в жизни чудеса.

– Послезавтра у них свадьба, – ответила мать. И ее глаза загорелись. – Будет что-то неповторимое. Сама понимаешь, я должна там быть, а потом они уезжают в круиз вокруг света.

– Угу, – насупилась дочь.

«А на меня и мою свадьбу тебе наплевать!».

Она было открыла рот, чтобы произнести эту фразу вслух, но вдруг передумала. «Может, это и есть судьба? – подумала она. – Само провидение не хочет, чтобы я ехала в Таиланд. Сначала этот музейщик, потом вот мать...».

Рот остался закрытым, и Юлия заполнила образовавшуюся паузу тем, что стала наливать себе чай, обдумывая это неожиданно нахлынувшее на нее прозрение. Однако уже где-то на половине чашки она снова вернулась к прежней тактике. «Никаких знаков судьбы не существует. Это ерунда! Надо жить всегда по строго намеченному плану, и если мать не может, а вернее, не хочет переносить свой неожиданный уик-энд, то это вполне могу сделать я».

– Хорошо, – произнесла она вслух. – Я попробую перенести свой отдых. На сколько дней ты едешь?

– На четыре дня. В четверг уже буду здесь.

– И ты после возвращения останешься с Николаем на неделю?

– Конечно.

– Но сегодня Коля может остаться у тебя?

– Вполне.

– Хорошо. Я завтра заеду, заберу его.

***

Через три часа, вдоволь накричавшись и наломав комедий по телефону, она уже спокойно строгала салат из помидоров и огурцов на кухне в ожидании приезда двух своих подруг. Все вопросы были решены положительно. Витенька, осознав свою вину, как стойкий оловянный солдатик пообещал решить все проблемы и переоформить билеты и бронь на неделю позже, а также взять на себя все дополнительные расходы даже с учетом повышения сезонных цен и инфляции. И не ныть по поводу того, что она из него выет веревки.

Потом, привезя две сумки различной снеди и несколько бутылок дагестанского коньяка, удалился тихонько по делам, пообещав заглянуть к Юлии ближе к полуночи, когда она уже будет готова. При этом он так выразительно двигал глазами, что казалось – у него нервный тик.

В этот момент рядом с Юлией Михайловной сидела Вика, ее самая доверенная товарка, фактически член семьи, и натирала свеклу на терке в белую эмалированную кастрюльку. Они собирались угостить всех своей фирменной «селедкой под шубой». И как только Виктор закрыл за собой дверь, Вика не упустила момента, чтобы не сдохнуть по поводу Юлькиного кавалера.

– Вот это дрессировка, мать! Уважаю, – она вытерла несколько капель пота со лба и сдула прядку рыжих волос. – У меня так с мужиками не получается.

– Это карма, – ответила с подчеркнутой серьезностью Юлия, посмотрев вслед ушедшему любовнику. – Витя, конечно, всем хорош, даром что женат.

– Ну так разведи и жени.

– Думала, – Юлька, не останавливаясь, рубила капусту. – Не хочу. Мне не выгодно. Корми его, обстирывай, депресняки устраняй, а если его уволят? Он мне говорил, что у них в банке сейчас проблемы. Кризис. Не, нафиг...

Она все же остановилась, чтобы передохнуть.

– А вот как любовник он неплохой и практически безотказный, главное – знать, когда и на какие кнопки давить. Да и...

Юлия отвернулась, как будто ей в глаза попал лук.

– Я его, похоже, не люблю.

Эта фраза прозвучала несколько театрально, но Вика, занятая своим делом, даже не заметила этого. Она подняла голову и переспросила:

– Не любишь? А разве она еще существует, эта любовь? Современное общество настолько все упростило! Встретились в Интернете, если на фотке – вроде ничего, то можно договориться, посидеть в кафе, поговорить. Если фото соответствует реальности, а парень соответствует запрашиваемым параметрам, то можно потом перебраться в постель. Если и там все хорошо, то можно подумать о недельном отпуске, и если там хорошо...

– Да, да, Вика, ты права, – прервала ее Юлия, – но как много «если»... А как же любовь с первого взгляда? Чувства! Бабочки в животе?

– Ты о чем? Разве можно быть такой легкомысленной?

Вика наконец закончила все приготовления и, взяв блюдо с «селедкой под шубой», пошла в большую комнату, где сервировался стол, и уже оттуда крикнула со смехом:

– Хотя, о чем это я, сама постоянно передком думаю.

– Да причем здесь передок? – возмутилась Юля, идя следом за подругой. – Я о сердце.

– Сердце? А где это? – хохотнула Вика и с лукавым прищуром посмотрела на хозяйку. – Что-то не пойму я, Юлька, ты что, в кого-то влюбилась? В кого?

И в предвкушении интересной сплетни она со всего размаха плюхнулась на диван, который со скрипом прогнулся под ее пухлым, аппетитным телом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.